

Женские лики страшной войны

Во имя жизни они трудились в войну, рожали детей, лелеяли внуков и правнуков

«Товарищество» — ныне устаревшее слово, а еще недавно ценное более, чем слово «друг». Но именно оно наиболее полно отражает взаимоотношения, которые сложились около шести десятков лет назад и достойно пронесены удивительными женщинами через годы, войну и ратный труд, встречи и расставания, любовь и поиски истины через жизнь. В сороковые эти девчата встретились в новотоккарном цехе, выпускающем снаряды.

Разными путями они попали в Магнитку. Лида Головашева (Скворцова) — с Украины из раскулаченной старобратской общины. Ее дед руководил селом, дважды пешком ходил в Иерусалим, а затем с женой выслан на Соловки. После реабилитации прожил у дочери в Магнитке всего два года. Родители же девчачьи при тяжелом переезде на поселение похоронили почти всех своих детей: из тринадцати осталось только троим. Младший брат Лиды Михаил погиб в Сталинграде, имя его навечно высечено на стеле Мамаева кургана. Галина Анапольская (Гри-

ченко) прибыла в товарном вагоне с оборудованием военного цеха из Днепродзержинска. Отца и брата забрали в армию. Брат не вернулся с фронта. Семилетнюю Асю Шурыгина (ныне Жаворонкову) привезли в 1931 году родители. Хорошо помнит палаточную Магнитку и строительство, где главными силами и механизмом были лошади и человеческие руки. Детство вспоминается как время, наполненное, несмотря на невероятные трудности — баражающие полаганы на семейные кельи, один туалет и одна водопроводная колонка на всех, продкраточки и очереди за хлебом, — светом и дружеством. Люди доверяли и помогали друг другу: заболел солдат — за детьми присмотрят, пол помогут, накормят. Даже картошку под окнами сажали — никто не воровал. А главное — учились! Глаза 80-летней женщины светлеют: ее родители были обычными работниками ММК, а младшая сестра даже музыкальное училище закончить смогла! Детство и юность оборвались внезапно. Ася Шурыгина мечтала стать медиком, но отец и брат — он не вернулся с войны — сразу же ушли на

фронт. На руках у матери осталось двое детей. Надо было помогать — она пошла на завод, где и встретила со своими будущими подругами, дружба с которыми жива и поныне. Девушек новотоккарный цех потряс. Вместо детской железной дороги в парке Metallургов, на которой так нравилось раньше кататься, — настоящая. Грохот, пыль, грязь, и — страх, тревога за родных, за Родину... «Не подвести родную страну, не подвести солдат», — главное устремление этих девчонок в те годы. Все героини этой заметки волею судеб попали в одну бригаду — револьверщиков. Галя Анапольская — контролером ОТК, остальные девчачьи — токарями. — В мои обязанности, — вспоминает Галина, — входила проверка продукции по одиннадцати оборотам. Сначала было просто, но когда все девушки освоили работу и начали выдавать продукцию сверх плана, стало трудновато. Но я все равно помогал, разжечь в девчонок дух соревнования, подкачал им, кто сколько изготовил «станков» — так мы называли наши изделия. Вскоре девушки выполняли план на 160-175 процентов. Их фотографии появились на доске почета комбината. В 1943 году лучших работниц цеха удостоили правительственных наград. Среди первых были Лида Головашева, Шура Тараканова,

Любовь фронтовая...

Светлой памяти моих родителей

Они встретились в штабе 2-й Ударной армии. Юный штурман, которому исполнился 21 год, совсем недавно окончил ускоренные курсы в Челябинске, и его послали на Ленинградский фронт. В первый же боевой вылет Алексей удачно отбомбился, и все четыре мины точно легли на немецкие блиндажи передовой. Кромешная тьма не помогла немцам. Алексей сразу же показал себя незаурядным штурманом, быстро научился ориентироваться в ночном небе. Несмотря на свой юный возраст, действовал в небе всегда задумчиво, не теряясь в сложной боевой ситуации. Бывало, за ночь делали 7-8 вылетов. В воздух поднимались будто на работу.

В 1943 году вся 553-я авиаскадрилья готовилась к прорыву блокады Ленинграда. Часто летали на разведку по линии фронта и преследовали танки немецкой передовой.

— Всего за годы войны, — вспоминал папа, — я сделал 625 боевых вылетов. Встретил на свою любовь в штабе 2-й Ударной, где юная Женечка (на снимке) служила в разведотделе шифровальщицей. На фронт она ушла добровольцем, предварительно научившись в школе шифровать и расшифровывать донесения. Скрываясь, хрупкая и красивая девушка разбила не одно сердце летчика, но свое отдала Алексею. Весь штаб 2-й Ударной и 553-я летная эскадрилья дали обещание отутюжить на свадьбе влюбленных в День Победы. И каждый раз, когда в небо поднимались самолеты, вместе с техниками их провожала Женя и терпеливо ждала возвращения своего Алексея. Своей любовью, совсем ожидаемым любимого она оберегала его от пуль и от гибели.

Жди меня, И я вернусь, Только очень жди, — эти стихи о таких девушках, как моя мама, умеющих ждать и любить. Вместе со 2-й Ударной Женя дошла до Германии. И вот настал этот День Победы. Женя и Алексей встретились весну 1945 года в Шверене. Это был двойной праздник: — Победа и свадьба. Все поздравляли друг друга с Победой, все поздравляли Алексея и Женю с вступлением в брак. Появилась новая семья. Любовь торжествовала. Любовь победила войну. *Товарищи мои! Солдаты фронтовые! Вы были в те года такие молодые. А как любили вы: и нежно, и надежно. Так только на войне любить, пожелай, можно.*

Всю жизнь мама и папа любили друг друга. Через годы они прошли, не расставая ни капли той фронтовой любви, которая помогла им на войне. И так же, как на фронте, мама ждала отца с ночных полетов. Встречала его на пороге, говоря всегда одно и то же: «Наконец! Я так ждала тебя!» Папа же при любом удобном случае говорил друзьям: «Смотрите, какая чудесная и красивая моя Женечка! Ведь я до сих пор, как мальчишка, люблю ее». Перефразировав поэта, мне хочется сказать:

*Хочу лишь одно:
Миня все метели,
Чтоб ваши сыновья,
Как вы, любить умели!*

Алла ЛЫМАРЬ.

Учителям — по гвоздикке

Месяц перед празднованием шестидесятилетия Победы был очень радостным: поздравления и пожелания мэра города, губернатора, концерты. За последний месяц я получила несколько приглашений на выступления городских коллективов самостоятельности. Сначала в апреле и мае состоялся концерт в городском центре детского творчества — бывшем Дворце пионеров. Зрелище замечательное: прекрасное выступление детей, особенно малышей, отличные костюмы — вероятно, руководителями коллективов пришлось немало потрудиться. А ведущая Ирина — просто красавица! А перед самым праздником оказалась на концерте во Дворце металлургов и тоже была восхищена мастерством «взрослых» коллективов.

Одно огорчает: труженики тыла оказались разделены. Металлургический комбинат своим «тыловикам» выдал денежную премию, вручил подарки, организовал чаепитие — а нам, учителям, досталось по гвоздикке. Говорят, нет денег на подарки. Учителя и без того всегда были обделены: зарплата мизерная, пенсия крохотная. И даже в праздник для них подарка не нашлось. Обидно!

Мария САФОНОВА, ветеран труда СССР и России, труженик тыла.

Не дожидая юбилея

ПАМЯТЬ

Жил-был мальчик Вася из многодетной крестьянской семьи в деревне Дмитриевка Амурской области. Всего в семье Зайцевых было семь детей: пять девочек и два мальчика.

Отец умер, когда Васе исполнилось три года. Жили бедно. Старшие, чтобы помочь маме, рано пошли работать, младшие ходили рыбакать. Вася мечтал о красивой жизни и очень хотел учиться, но окончить смог только девять классов.

Началась война, страна нуждалась в рабочих руках. В 1943 году 17-летний Василий призван в армию. Сначала занимался строевой подготовкой, затем служил в артиллерии. Летом 1945 года началась война с Японией. Подготовка проходила в режиме секретности: войска двинулись к границе по ночам. Во время наступления лил проливной дождь, лошади утонули в грязи, еле тащили тельеры с пулеметами, и солдаты приходилось их толкать. После героического перелома наши войска прорвали непроходимую тайгу и вышли к укрепленным бастионам Квантунской армии. Особое мужество проявили советские войска в сражении у города Муданьяна. Его взятие открыло нам путь в Северо-Восточный Китай.

Чтобы ускорить разгром Квантунской армии, советское командование высладало в наиболее крупных городах воздушный десант. Первая Краснознаменная армия, в составе которой воевал Василий, высладалась в Харбине. На всю жизнь запомнил солдат военный парад. Принимал парад в Харбине командующий армией генерал Белобородов. Китайцы горько приветствовали советских воинов, благодарили за освобождение. В Харбине жило много эмигрантов из России. Когда солдаты шли строем и пели русские песни, они бежали следом и плакали. В Китае Василий служил еще два года, пока его часть не перевели в село Куропатское Амурской области.

Демобилизовался Василий Зайцев в 1950 году. Через месяц отправился в город Фастов Киевской области, где жил брат. Там заочно Василий окончил десятый класс. Параллельно учился на курсах в Батуринской школе машинистов. В 1954 году Зайцев переехал на Урал: сначала — в Челябинск, а затем — в Магнитогорск. Работал в цехе железнодорожного транспорта ММК помощником машиниста и машинистом паровоза. И здесь не покидала Василия жажда учебы. В 1967 году он окончил вечернее отделение МГМИ, после чего трудился в электротехнической лаборатории электромонтером, инженером участка и старшим инженером.

Василий вел активный образ жизни: собирал любительский лыжный спорт и ездил с ними в Абакано. Такие прогулки с друзьями он совершал и на пенсии: пробегут десять километров, разожгут костер, сварят картошку, вскипятят чай, пообедают и — в обратный путь. Летом Василий ездил в лес по грибы-ягоды и за лекарственными травами. А каким был садоводом! Сажал деревья, кустарники, прививал новые сорта яблок, которые всегда плодоносили. Любил жизнь и людей, а супругой Зинаидой Егоровной прожил 44 года в мире и согласии. Умер Василий Елисеевич 12 мая 2003-го, не дожив до 60-летия Победы два года. Светлая ему память.

Зинаида МЕРИНОВА.

Дорогие мои...

Полувековая дружба с несколькими поколениями сотрудников Дворца культуры метизного завода согревает душу в моем сегодняшнем деревенском уединении. Особенно дороги имена участников боев — Михаила Георгиевича Акилова и Андрея Григорьевича Львова. Не перечислить всех людей в творческих коллективах, с кем за годы свела судьба. Клянюсь всем, с кем довелось участвовать в художественной самостоятельности, кого хватало на горение и у станка, и на сцене заводского цеха культуры.

Рамзия ДАШКИНА-СУЛЕЙМАНОВА, поселок Карагайский.

Чтобы выглядеть слабой и хрупкой, женщине надо быть сильной и твердой.

Светлана ДЖАТДОВА

Благодарю Григория Носова

ПИСЬМО

Я из семьи репрессированных. Дедушка с бабушкой имели землю, скотину, хороший дом, а в тридцатом коммунисты все это у нас забрали. Дедуля умер от сердечного приступа, а папу от нервного расстройства с тех пор трясло. А жить надо было. Мама с папой вместе со мной, маленькой, пришли в Магнитогорск — где добрые люди подвозили, а больше пешком. Поселили нас сначала в барак-конюшню без перегородок, после — в комнату вместе с еще тремя семьями. Потом дали

отдельную комнату в двенадцать квадратов на семерых — нас у родителей было пятеро. Вы представить не можете, как существовать в такой тесноте, а мы много лет так прожили. Спали на полу. Все дети — школьники, а для занятий — один маленький столик на всех. Наконец я решила обратиться к директору металлургического комбината Григорию Носову. Написала ему письмо, обсказала все.

Папа в то время уже имел награды — ордена Ленина и Трудового Красного Знамени и еще медали. Однажды приходит с профсоюзного собрания, рассказывает: идет со-

брание — входит Носов. Подошел к столу председателя, спрашивает: «Кто будет Пакину?» Папа встает, а Григорий Иванович: — Пакину дать квартиру в первую очередь.

Попросили и уехал. Великий он был человек, Григорий Иванович. Прочитал мое детское письмо и не бросил в корзину, а выдел минутку заглянуть на собрание.

Я даже сейчас, когда вспоминаю это, плачу. Много лет хожу на левобережье кладбище поклониться ему. Пусть земля будет пухом Григорию Носову.

П. ЗАРУБИНА.

Шестьдесят лет спустя

БЫЛОЕ

...Великая Отечественная началась для нее, как и для многих советских людей, с объявления по радио, с голоса Левитана... В деревне Постниково Ярцевского района, где Вера Ковалева родилась и выросла, собрали таких же, как она, пятнадцатилетних подростков на третий день после объявления войны и отправили по старой смоленской дороге за 60 километров — копать траншеи.

Превосходство врага в начале войны было очевидным. В воздухе — тьма немецких самолетов, и если появлялись наши, то были они, словно голуби среди ястребов: их сбивали. Уже через несколько дней после налета и яростной бомбежки немецкой авиации перепуганные подростки бежали обратно домой по смоленской дороге те же 60 километров. Бежали, почти не останавливаясь, еле допознали до дома. А в деревне на следующий день едва стоявших от усталости ребята собирали вновь и отвезли туда же, откуда они бежали, — траншеи копать. Ныне, спустя шестьдесят лет, Вера Александровна вспоминает об этом с грустной улыбкой:

— И днем и ночью работали, углублялись в землю на 4-5 метров... Как я понимаю теперь, это были противотан-

ковые траншеи. Хорошо, что они пригодились — два месяца держали советские войска оборону на этом рубеже.

Она рассказывает обстоятельно, припоминает: — Мой брат Егор партизанил в отряде «Смерть фашизму!» Отряд стоял в двух километрах от Постникова в деревне Курганка, а командир очень был похож на Чапаева из кинофильма. Отряд уничтожал немецкие обозы по дороге Москва-Минск. Зимой 42-го за помощью партизанам каратели в деревне Постниково согнали всех, кто остался, — детей, стариков и старух, среди них и мать моя была, — и хотели расстрелять. Да потом старший офицер немецкий в последнюю минуту передумал. И жителям перевели, что им даруют жизнь, потому что все равно Москва, мол, падет со дня на день... Деревню — большую, богатую, более двухсот домов, — сожгли. В каждом дворе был сад: вишня, груши, яблоны — всего водилось было. Я-то сама, когда людей согнали, убежала за гору. А вернулась на пепелище. Маму разыскала в деревне Шамова, она там у дальней родни остановилась. Два дня я спала на полу, на третий мать говорит мне: «Что ты, дочка, со мной спать не ложишься?» Я и легла с ней. Ночью

мать закричала. Я закричала: «Мама моя умирает!» И все пыталась ее поднять... Потом разыскала в Курганке брата Егора, двое суток мы топором мерзлую землю рубили, могли урвать. Мама смерть свою чувствовала, к родственникам пришла с узелком смертной одежды... Вскоре Вера рассказала с братом. «Нечего тебе делать у нас, в партизанском отряде. И не просясь, — сказал он. — Мы не знаем, будем ли завтра живы. Ты ступай, пожалуй, к сестре в Москву». И она пошла — пешком. Да только далеко не ушла. Попала в трудовой лагерь немецкий. Летом 42-го бежала из лагеря, ее поймали. А в сентябре 43-го пленников построили в колонну, и в сопровождении автоматчиков колонна направилась на Смоленск к эшелону для отправки в Германию. На подходе к Смоленску — виселицы с повешенными советскими людьми — для устрашения. Фронт шел за колонной в буквальном смысле по пятам: разрывы бомб, пулеметные и автоматные очереди. Там, где дорога вела через соняк, Вера вместе с двоюродной сестрой скрылась в лесной чаще. Пробрались через соняк, вышли на берег реки, и вдруг кто-то на другом берегу закричал: «Мама! Мама!»

— Все-таки я счастливая была, — говорит Вера Александровна. — По воде пули тенькают, а я поплыла к солдатике, речку переплыла... А он оказался не солдатом, а офицером и был ранен в плечо и в ногу. Достала я у него из сумки бинт, разорвала гимнастерку, плечо ему перевязала, сапог разрезала, сняла и тоже наложила бинты. Что делать дальше? Надо же его как-то в санбат доставить. Совсем рядом — деревня. Людей вокруг ни души — все разбежалось. Нашла подводу, лошада поймала, погрузила офицера своего и повезла, а тут и наши подоспели...

Раненого отправили в санбат, а Вера с сестрой поехали дальше — домой, в Ярцево, через Смоленск. И на обратном пути на виселицах уже висели немцы, а не наши. А в Ярцево ее пригласили работать санитаркой в госпиталь № 1895. И поскольку нервы у нее оказались крепкими — она не падала в обморок, как некоторые, когда шла ампутиация, — стала вскоре медсестрой и ассистировала хирургу Генриетте Бенциановне Барзам. Через несколько дней ее окликнул капитан с перевязанным плечом и ногой: «Слушай, тебя не Верой звать?» Он оказался тем офицером, которого она от смерти спасла. Обхватил ее и давай обнимать-целовать. Жаль, фамилии его не узнала.

Госпиталь шел вслед за фронтом: Литва, Восточная Пруссия, Кенигсберг. И наконец в Инстербурге услышала по радио долгожданное известие об окончании войны. Радость была непередаваемая: стреляли в воздух, обнимались и целовались совершенно незнакомые люди... А после произошло событие, которое потрясло бы любого человека. Госпиталь перебросили через всю Россию на Дальний Восток — началась война с японцами. И в каждом звонил один и тот же вопрос: «Как же так, с войной — и на войну?»

— Приехали мы на Дальний Восток, к счастью, под конец боевых действий с Японией, — вспоминает Вера Александровна. — Вот, говорят, японцы — народ вежливый, но мне это в войну не показалось. Мы лечили японцев, а они, когда их выпускали на свободу, складывали аккуратноенько свои продукты, на которых лежали, и рубили на части... Да бог с ними.

Стоит рассказать, как сложилась дальнейшая судьба В. Ковалевой, ветерана Великой Отечественной, награжденной многочисленными боевыми медалями. Окончила Свердловский строительный техникум, в 1951 году по распределению приехала в Магнитогорск. Долгой оказалась дорога к дому, где ей пред-

стояло жить и работать. Сорок три года она работала прорабом, строила город... Нет для нее роднее Магнитогорска. Здесь сложилась ее судьба: вышла замуж, родила двух дочерей, младшая руководит арматурным цехом завода железобетонных изделий, старшая — преподаватель кафедры начертательной геометрии и графики в Магнитогорском государственном университете. Многие дома памяти Вере Александровне, потому что поэтосны ее руками. Вот два главных восьмистатных дома — во рота проспекта Metallургов, прочно стоят на фундаменте, который она создавала... Но это уже совсем другая история.

Вера Александровна в праздничные дни каждый год звонит в Москву своему фронтовому хирургу и подруге Генриетте Бенциановне Барзам, принимает поздравления от детей и от людей совсем не известных, но хранящих добрую память и благодарность о победителях в Великой Отечественной. Получила она ценный подарок от ректора МАГУ, где бережно относятся к ветеранам войны и не забывают фронтовиков, воспитавших для университета прекрасных преподавателей. Всех благ вам, Вера Александровна, радости и счастья!

Юрий ДОЛИНИН.